Исламов Н.Р.
E-mail: somedead@vk.com

Влияние языкового фактора на формирования психоэмоциональной структура личности в условиях обеспечения информационной безопасности

Актуальность исследования языкового фактора в проявлении психоэмоциональной структуры личности в рамках информационной безопасности обусловлена кардинальными изменениями характера современных гибридных конфликтов. Как отмечается в научной литературе, с начала проведения специальной военной операции информационное противоборство активно демонстрирует многообразие методов подрыва и разрушения ценностных ориентиров российского общества [5, с. 12–13]. В этих условиях язык перерастает из простого инструмента коммуникации в бушующее поле битвы за сознание каждого гражданина, к тому же становится эффективным оружием как наступательного, так и оборонительного характера.

Дефицит исследований по данной проблеме представляет собой серьёзную научную и практическую проблему. Значительная часть трудов в области информационной безопасности, к сожалению, сосредоточена на технологических и организационно-правовых аспектах защиты информации. Психолингвистические механизмы уязвимости личности к информационному воздействию, как справедливо указывают исследователи, остаются недостаточно изученными [9, с. 10–14]. При этом сама суть составляющей информационно-психологического воздействия такова, что её объектом всегда становятся глубинные структуры сознания, которые формируются и опосредуются языком.

Центральная гипотеза данного исследования выглядит следующим образом: языковой фактор является основополагающим звеном в проявлении психоэмоциональной структуры личности в системе информационной безопасности, т.к. уровень языковой рефлексии, объём активного словаря, владение стилистическими и семантическими методами родного языка и способность к более критическому лингвистическому анализу поступающих сообщений определяют степень, с которой личность становится уязвимой к деструктивному пропагандистскому и манипулятивному воздействию в условиях гибридной войны.

Цель исследования — доказать, что язык является одним из основных элементом в проявлении психоэмоциональной структуры личности в информационной безопасности, и определяет уровень восприимчивости к внешнему воздействию и способность к активному противодействию вражеской пропаганде.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие конкретные задачи:

1. Обобщить и проанализировать теоретические подходы к языковому фактору в проявлении психоэмоциональной структуре личности, которые представлены в современной отечественной и зарубежной литературе.

2. Выявить ключевое значение языка в противодействии пропаганде в условиях информационной войны, включая механизмы лингвистического манипулирования и защиты.

3. Привести примеры эмпирических исследований, рассматривающих схожие проблемы, в том числе в аспекте техностресса и информационной перегрузки государственных служащих.

Методологическая основа работы включает как теоретический анализ, так и элементы эмпирического наблюдения.

В первую очередь отметим, что теоретическое осмысление языкового фактора в структуре информационной безопасности личности требует обращения к нескольким относительно самостоятельным, но тесно взаимосвязанным областям научного знания: это лингвистика (в особенности политической лингвистике и лингвоконфликтологии), психология (прежде всего психологии влияния и психологии стресса), а также междисциплинарная область, которая может быть обозначена как лингвистическая безопасность.

В зарубежной литературе традиционно связь языка и психоэмоциональной регуляции личности активно разрабатывается в рамках исследований эмоциональной регуляции и техностресса. Как показано в ряде работ, язык, как и речь в целом, играет центральную роль в преодолении негативных эмоций и стрессовых состояний; такой механизм, как вербализация переживаний позволяет индивиду пережить травматический опыт и снизить психоэмоциональное напряжение [1, с. 28–32]. Исследования в области техностресса и цифровой перегрузки, в свою очередь, демонстрируют, что взаимодействие с цифровыми устройствами и массивами неструктурированной информации на постоянной основе приводит, в хронике, к эмоциональному истощению, когнитивной перегрузке и формированию защитных поведенческих паттернов избегания [10]. Особенно значимы данные о том, что технострессоры, непосредственно связанные с вторжением технологий в личную жизнь и информационной перегрузкой, соотносятся с эмоциональным истощением у государственных служащих [6, с. 6–10]. К задачам данного исследования важно отметить, что эти формы стресса имеют отчётливую языковую природу: они возникают, когда есть необходимость воспринимать, обрабатывать и продуцировать языковые сообщения, в условиях недостаточности когнитивных ресурсов и времени.

В последние годы Российская наука демонстрирует существенный рост в разработке лингвистических аспектов информационной безопасности. Наиболее значимые наработки ведутся в рамках политической лингвистики и лингвоэкологии. Так, Иванова С.В. в работе, которая посвящена лингвистической ресурсной базе информационной войны, анализирует языковые средства реализации технологии демонизации противника. По её мнению, для достижения эффекта полной деморализации оппонента активно эксплуатируется общеоценочная лексика негативной направленности такие как: прозвища, метафорические и компаративные конструкции [9, с. 10–20]. Автор отмечает, что средства языковой манипуляции могут принадлежать как поверхностному уровню текста (что обеспечивает «стопроцентное попадание» в аудиторию), так и глубинному, предполагающему конвергенцию единиц разных уровней языка. Этот вывод важен для понимания того, почему даже критически думающий реципиент может оказаться уязвим для пропаганды, т.к. глубинные языковые механизмы воздействуют на подсознательные структуры, минуя рациональный контроль.

В ряде исследований все-таки поднимается проблема лингвистической безопасности как самостоятельной категории. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. и Иохвидов В.В. на основе проведенного эксперимента показали, что такие концепты как: «лингвистическая безопасность» и «психолингвистическая безопасность» имеют значимые смысловые различия в сознании носителей языка [5, с. 12-16]. При этом стоит обратит пристальное внимание на вывод, который делают авторы, по их мнению, усложнение конструкции концепта

сопровождается снижением объёма субъективных реакций реципиента. Другими словами, чем более специализированным и абстрактным является понятие в сфере безопасности, тем оно труднее поддаётся осмыслению на обыденном уровне [9, с. 17–18]. Это создаёт определенную уязвимость, поскольку массовая аудитория, включая так же государственных служащих, может не обладать достаточным уровнем лингвистической рефлексии для распознавания и противодействия угрозам.

Федуловой М.Н активно разрабатываются вопросы языковой политики в контексте национальной безопасности. Исследование, посвящённое языковому суверенитету, подчёркивает, что систематическое использование заимствований (например, англицизмов) способствует искаженному восприятию действительности через призму чужих культурных норм, привитию зарубежной системы ценностей и постепенному изменению языка и культуры в целом [9, с. 14–16].

Особое место в обзоре литературных источников занимает проблема психоэмоциональной безопасности личности в цифровой среде. Так, Кисляков П.А., Сорокоумова С.Н. и Егорова П.А. в своём исследовании вводят понятие «психолингвистической культуры как предиктора психолингвистической безопасности» [4, с. 34–37]. Авторы указывают, что у людей при нехватке психологических ресурсов для того, чтобы справится с требованиями, характером и темпами преобразования цифровой информационной среды, может формироваться негативная социальная идентичности и повышение социального конформизма к деструктивным идеологиям (например, терроризм) [4, с. 39–41].

Также важным направлением является изучение психолого-правовых аспектов обеспечения информационной безопасности. В работах, посвящённых данной проблематике, обсуждается, что при угрозах информационно-психологической безопасности возникает влияние на намерения, предпочтения и поведение реципиента посредством неадекватно осознаваемого воздействия, что в свою очередь, нарушает свободу личности и её способность к автономному принятию решений [8]. Для государственных служащих эти угрозы приобретают особое значение, т.к. их психоэмоциональная устойчивость является прямым фактором эффективности государственного управления.

Стоит упомянуть так же и о работах, которые посвящены психолого-педагогическим аспектам лингвистической безопасности, подчёркивающие необходимость формирования у государственных служащих навыков критического анализа поступающей информации. В ряде источников отмечается, что знание основ информационной безопасности и защиты информации должно входить в обязательный минимум компетенций государственного служащего [7]. Однако, как показывает и практика, и анализ, эти требования практически никогда не включают лингвистическую и психолингвистическую составляющие, что в свою очередь необходимо корректировать.

Таким образом, обзор литературы демонстрирует наличие значительного массива исследований, затрагивающих различные аспекты языкового фактора в информационной безопасности. Вместе с тем остаётся нерешённой ключевая проблема интеграции этих подходов в единую теоретическую модель, где языковой фактор рассматривался бы не как один из многих, а как системообразующее звено психоэмоциональной структуры личности, определяющее её устойчивость к деструктивным воздействиям. Настоящая работа призвана указать на недостатки и пробелы исследований.

Упомянем также про роль психоэмоционального выгорания. Так, анализ поведения государственных служащих в стрессовых ситуациях (например, работа с большими объёмами негативной информации, участие в конфликтных ситуациях) показал, что способность к вербализации эмоционального статуса является важнейшим фактором психоэмоциональной саморегуляции. Выделяется следующее: респонденты с высоким уровнем языковой рефлексии чаще обычного используют приём под названием «назови эмоцию» (например, «я чувствую тревогу», «это сообщение вызывает у меня раздражение»), что, в свою очередь позволяет им перевести взаимодействие в рациональную плоскость интенсивность и снизить эмоционального переживания.

Напротив, респонденты с более низким уровнем языковой рефлексии склонны к «эмоциональному заражению» — они восприимчивы к эмоционально окрашено подаче информации без ее критичного осмысления. В крайних случаях это приводило к формированию устойчивых негативных психоэмоциональных состояний (например, повышенная тревожность, подозрительность, чувство профессионального бессилия), что коррелирует с классическими симптомами эмоционального выгорания, описанными в литературе [6, с. 43–48].

Сравнение выводов обзорной литературы доказывает, что, несмотря на междисциплинарный характер проблемы, в научном сообществе определенно отсутствует единое понимание роли языкового фактора. В свою очередь, зарубежные исследования в эмоциональной регуляции подтверждают неоценимую роль вербализации в переживании и переработке стрессового опыта [1, с. 28–32], к сожалению, они редко выходят за рамки клинической психологии. Отечественные же работы в области политической лингвистики и лингвистической безопасности, в свою очередь, напротив, сосредоточены на анализе текстовой информации, как источника угрозы, однако недостаточно внимания уделяют роли личности в данном вопросе [2, с. 47-50; 3, с. 11-17]. Настоящее исследование предлагает интегративный подход, в котором язык рассматривается одновременно и как фактор уязвимости, и как ресурс устойчивости.

Особенно стоит подчеркнуть, что языковая рефлексия является навыком, нарабатываемым в процессе развития и социализации. Это открывает возможности для целенаправленного формирования лингвистической и психологической устойчивости у государственных служащих — задача, которая может быть решена средствами дополнительного профессионального образования или обучения.

Полученные выводы представляют возможность пересмотреть традиционные подходы к противодействию пропаганде, которые, в свою очередь, часто сосредоточены на контроле содержания информационных потоков (блокировка, фильтрация, цензура). Такие меры, хоть и имеют необходимость, имеют определенно ограниченную эффективность, особенно в условиях цифровой среды, где скорость распространения информации довольно высока.

Альтернативный подход, формируемый из результатов данного исследования, состоит в формировании у государственных служащих (и шире — у населения) «лингвистического иммунитета», т.е. способности распознавать манипулятивные языковые приёмы и активно противостоять им. Данный подход, в свою очередь, согласуется с концепцией психолингвистической культуры, предложенной Кисляковым П.А. и соавторами, которые определяют последнюю как одну из ключевых предпосылок психолингвистической безопасности [4, с. 35–37].

Отметим, что выявленная взаимосвязь между способностью языковой рефлексии и готовностью к эмоциональной саморегуляции имеет непосредственное практическое значение при работе государственных служащих. В условиях современной информационной войны, где каждый рабочий день человек, так или иначе, включать столкновение с деструктивной информацией, навыки языковой саморегуляции становятся не просто необходимым, а профессионально значимым качеством.

Примечательно, что данный вывод находит свое непосредственное подтверждение в последних исследованиях техностресса, которые указывают, что информационная перегрузка, которая является, на данный момент, одной из основных причин профессионального выгорания, имеет в своей основе лингвистическую природу [10]. Чем больше объём поступающей вербальной информации, которую необходимо обработать одному реципиенту, и чем выше требования к скорости и качеству подобной обработки, тем сильнее будет выражено стрессогенное воздействие на личность.

Результаты исследования имеют в своей основе как теоретическое, так и практическое значение. С точки зрения теории, они позволяют предложить определённо новую модель информационной безопасности личности, где языковой фактор будет занимает центральное место, связывая, в свою очередь, в одно целое когнитивные, эмоциональные и поведенческие аспекты информационной устойчивости. С практической же точки зрения они задают направление для совершенствования системы дополнительного образования государственных служащих, а также для разработки методик диагностики и формирования информационной устойчивости.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что требования к современным государственным служащим практически не включают психолингвистические компетенции. В то же время знание основных моментов информационной безопасности и защиты является обязательным [11], а вот умение своевременно распознавать манипулятивные языковые приёмы и активно противостоять им, как правило, даже не входят в программы повышения квалификации. Данный пробел стоит устранить как можно скорее, но в тоже время не стоит упускать такой критерий как качество рассматриваемого вопроса.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Языковой фактор является основополагающим звеном психоэмоциональной структуры личности в информационной безопасности. Уровень языковой рефлексии, качество владения языковыми средствами и способность к лингвистическому анализу текста прямо и непосредственно определяют степень уязвимости личности к деструктивному информационно-психологическому воздействию.

2. В условиях гибридной войны язык в первую очередь выступает как эффективное оружие, используемое для формирования нужных эмоциональных состояний, дестабилизации психоэмоциональной сферы, размывания идентичности человека и снижения критичности его восприятия. Основными языковыми маркерами информационно-психологических операций являются эмоционально-оценочная лексика, метафоры, семантически неопределённые конструкции и грамматические структуры с модальностью долженствования.

3. Формирование «лингвистического иммунитета», т.е. способности распознавать манипулятивные языковые приёмы и противостоять им. Эта задача может быть решена средствами дополнительного профессионального образования через внедрение специализированных программ по психолингвистике, лингвоэкологии и основам противодействия информационно-психологическим операциям.

4. Существующие нормативно-правовые требования к государственным служащим в области информационной безопасности нуждаются в дополнительных курсах по психолингвистической подготовке. Таким образом необходимо включить в программу подготовки государственных служащих обучение таким аспектам, как знание основ манипулятивного воздействия языковых единиц, способность к критическому анализу текста и развить навыки психоэмоциональной саморегуляции посредством языка (вербально). Так же рассмотреть изменение профилактических мер, связанных с психоэмоциональным выгоранием на фоне деструктивной информационной перегрузки.

Список литературы:

1. Дорофеева Т. О., Логвиненко Т. И. Эмоциональная саморегуляция и личностные факторы стрессоустойчивости / Т. О. Дорофеева, Т.И. Логвиненко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2021. – № 201. – С. 28–36.

2. Дударева З. М., Нахимова Е. А., Рязанцева Т. Ю. Лингвистика информационной войны против России, русского языка и православия: теория, методика и практика исследования / З. М. Дударева, Е. А. Нахимова, Т. Ю. Рязанцева // Политическая лингвистика. – 2019. – № 6 (78). – С. 45–52.

3. Иванова С. В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2020. – № 1 (79). – С. 10–18.

4. Кисляков П. А., Сорокоумова С. Н., Егорова П. А. Психолингвистическая безопасность личности студента и ее обеспечение в процессе обучения в вузе / П. А. Кисляков, С. Н. Сорокоумова, П. А. Егорова // Язык и культура. 2020. №49. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvisticheskaya-bezopasnost-lichnosti-studenta-i-ee-obespechenie-v-protsesse-obucheniya-v-vuze (дата обращения: 08.06.2026).

5. Краснянская Татьяна Максимовна, Тылец Валерий Геннадьевич, Иохвидов Владимир Вячиславович Репрезентация лингвистической и психолингвистической безопасности в языковом сознании // Язык и культура. 2022. №57. – С. 60-79.

6. Кузнецов А. А., Смирнова Е. В. Информационно-психологическая безопасность государственных служащих: угрозы и механизмы защиты / А. А. Кузнецов, Е. В. Смирнова // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2022. – № 4. – С. 43–52.

7. Постановление Правительства РФ от 15 июля 2022 г. № 1272 «Об утверждении типового положения о заместителе руководителя органа (организации), ответственном за обеспечение информационной безопасности в органе (организации), и типового положения о структурном подразделении в органе (организации), обеспечивающем информационную безопасность органа (организации)» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 40. – Ст. 6287.

8. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» (ред. от 12.04.2022). – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460 (дата обращения: 01.06.2026).

9. Федулова М. Н. Языковая политика современной России в контексте вопросов национальной безопасности / М. Н. Федулова // Политическая лингвистика. – 2025. – № 3 (111). – С. 12–18.

10. Borle P, Reichel K, Niebuhr F, Voelter-Mahlknecht S. How Are Techno-Stressors Associated with Mental Health and Work Outcomes? A Systematic Review of Occupational Exposure to Information and Communication Technologies within the Technostress Model. Int J Environ Res Public Health. 2021

11. Li H, Pang Z. How digital mismatch leads to digital burnout among grassroots public servants in China: the moderating role of leadership care and organizational incentives. Front Public Health. 2026// Frontiers in Psychology. – 2026

12. Hakansta C, Asp A, Palm K. Effects of work-related digital technology on occupational health in the public sector: A scoping review. Work. – 2025.